

ДУХОВНЫЕ ДОМИНАНТЫ РУССКОГО БОГОСЛУЖЕБНОГО ПЕНИЯ

Содержание статьи представляет осмысление богослужебного пения как центра воссоединения культурно-православных идеологем в контексте анализа ряда христианских мотивов, таких как соборность, милосердие, вера, любовь, святость, нравственность, нашедших конкретное воплощение в комплексе богослужебных песнопений. Посредством анализа литургических текстов выявлена ценностная перспектива богослужебного пения как «кодекса морали», источника благодати, совершенствования человека и мира.

Богослужебное пение, являясь ядром русской традиционной музыкальной культуры, за тысячелетие своего существования воплотило культурно-православные, религиозно-этнические, нравственно-этические представления народа, его аксиологические нормы, особенности мироощущения и менталитета. Известно, что в формировании музыкального материала той или иной этнической группой в контексте его музыкальной природы, стиливых особенностей, жанровых ориентаций, художественно-образного содержания участвуют устойчивые образования музыкального сознания как личности, так и в целом нации.

Различия музыкального творчества разных регионов Земли – эмпирически наблюдаемая данность. Каждая национальная музыкальная культура несет свои функции, особое психологическое содержание, принципиально разнообразный интонационный строй. Она фиксирует разнообразные художественные миры, раскрывает различные стороны темперамента и мирозерцания. Вместе с тем в музыкальной культуре разных континентов имеется нечто общее, ибо дух разных народов устремлен к одним и тем же объектам – все тянется к Богу, истине, красоте, гармонии, добру. В соответствии с ментальной спецификой «каждый народ вынашивает и осуществляет духовные акты особого национального строения и потому творит всю духовную культуру по-своему: он по-своему научно исследует и философствует, по-своему видит красоту и воспитывает эстетический вкус, по-своему тоскует и молится, по-своему любит и умирает, творит добродетель и осуществляет низину порока» [1], обуславливая постулат Н.А. Бердяева о том, что «мы должны творить конкретную русскую жизнь, ни на что не похожую... Без изначальной и стихийной любви к России не возможен

никакой исторический путь. Любовь наша к России, как и всякая любовь, произвольна. Любовь эта должна быть источником творческого созидания качеств и достоинств России. Любовь к своему народу должна быть творческой любовью, творческим инстинктом» [2]. Именно такие утверждения, на наш взгляд, являются стимулом к творческому созиданию, к поиску истины художественного творчества, анализу его ценностных ориентиров и национальных достоинств, каким представляется нам богослужебное пение, всеобъемлюще отразившее позитивные стороны общественной этики, морали, богатство человеческих переживаний, непреходящие представления о гармонии и красоте, обуславливая большой «разброс» его ролевых начал.

Проанализировав широкий спектр подходов осмысления русского богослужебного пения как специфического ряда человеческого мышления и творческой деятельности, мы отмечаем его основные, концептуальные константы, являющиеся определяющими факторами как православной веры, так и комплекса богослужебных песнопений: идеи совершенствования личности на идеалах соборности, милосердия, святости, веры, любви, сакральности.

Так, святитель Феофан Затворник (XIX в.) справедливо назвал богослужебное пение «духодвижным». Он высказал неоспоримую точку зрения о том, что все богослужебные песнопения в духе зарождаются и созревают, из духа изливаются. Вероятно, этим объясняется понимание В.И. Мартыновым богослужебного пения как средоточия аскетического опыта. В его исследовательских трудах рефреном проходит идея молитвенного, осмысленного пения. По мнению автора, единый процесс богослужебного пения включает в себя два уровня – не-

слышимый уровень организации сознания и слышимый уровень организации звукового материала. При этом все телесное, двигательное-мускульное, остро характерное, изобразительное было отстранено. Телесности самого музыкального начала была противопоставлена «духовность» распева. «Именно этот принцип порождает свободное, величавое и вместе с тем всепроникающее и духоносное течение знаменного мелодизма» [3]. Исследователь определяет мелодический характер знаменного распева посредством чрезвычайно емкого античного понятия «калокагатия», трактуемого как «прекрасноблагодать». Подтверждая тезис о том, что «калокагатийность и пневмоничность, или, говоря по-другому, прекрасноблагодать и духовность, являющиеся одновременно и субстанциями небесной похвалы, и качествами мелодизма знаменного распева, представляют собой преображенное православием катарсическое начало, возводящее душу через ангелоподобие знаменного распева к богоподобию и обожению» [там же].

На наш взгляд, заслуживает внимания и трактовка В.И. Мартынова о составляющих компонентах богослужебного пения. Так, рассматривая богослужебную певческую систему как мелодическое отражение Божественного порядка, он представляет ее в контексте нерасторжимой трисоставности, соответствующей трем основным аспектам познания и тройственной структуре реальности, олицетворяющей трисоставность строения человека, состоящего из тела, души и духа. В христианской антропологии первый, наиболее связанный с внешней природой уровень – тело; второй – душа, или психика; третий, самый глубокий – дух. Под телом подразумеваются мелодии богослужебных песнопений, душа – это Устав, или Типикон, а дух – аскетический подвиг, венцом которого является стяжание Божественного порядка, а результатом – праведный чин жизни, порождающий праведное пение [4].

Являясь прежде всего поющей молитвой, богослужебное пение становится центром духовного единения народа, подтверждая высказывание И.А. Ильина о том, что «национальное единение людей возникает из духовной однородности, из сходного душевно-духовно-

го уклада, из сходной любви к единому и общему, из единой судьбы, ... из одинакового созерцания, из единого языка, из однородной веры и их совместной молитвы» [5]. Вследствие этого, богослужебное пение, в виде общественной молитвы, соединяющей мысли и души, несет в себе идею соборности, которая, по мысли А.С. Хомякова, представляет собой целостное сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же ценностям: любви к Богу, истине, взаимной любви ко всем, кто Его любит. Это выражается в том, что человек находит себя «не в бессилии своего духовного одиночества, а в силе своего духовного искреннего единения со своими братьями, со своим спасителем» [6]. Соборность, по А.С. Хомякову, – священна, ибо определена Богом и является ценностью русской культуры. Ю.Ф. Самарин понимал соборность как отказ личности от своего полновластия и ее сознательное подчинение религиозной общине, вере и индивидуальное отношение Бога к каждому отдельному человеку. Согласно этому постулату, такая вера не разъединяет, а соединяет людей, направляет их в сторону нравственно-практической жизни. К.С. Аксаков выступал за органическое включение личности в русскую общину, в которой она свободна, как хорист в хоре, а общая нравственная жизнь вполне достаточна для достижения справедливости.

Выражение соборности Е.В. Николаева находит в исполнительском процессе духовной музыки. Она определяет соборность как полную согласованность качества певческого звучания каждого певца с общехоровым звучанием и в духовном, и в музыкальном контекстах. Во внешнем проявлении, в качестве певческого звучания, автор сравнивает соборность с такими светскими понятиями, как «ансамбль» и «строй» хора, отмечая, однако, что природа этого явления другая. В основе ее лежит особая духовная сонастроенность певчих на пение «едиными устами», объединяющая всех присутствующих в храме единым молитвенным состоянием, что обуславливает «соборность хорового звучания» [7]. Призыв к такому единению явно прослеживается в великой, или мирной (всем миром, в согласии), ектении, где слышится воззвание к всеобщей молитве: «Ми-

ром Господу помолимся», и далее: «О Свышнем мире и спасении душ наших Господу помолимся. О мире всего мира, благостоянии святых Божиих Церквей и соединении всех Господу помолимся».

Идею соборности в церковно-певческой культуре мы слышим в чине литургии: «И даждь нам единими усты и едином сердцем славить и воспевати Пречестное и Великолепное Имя твое...». Под «единими усты» подразумевается пение в храме всенародное, исполненное сознательным участием всех в совершаемом богослужении. Следовательно, духовно-певческая культура творится людьми сообща, и их совместными усилиями она становится полем духовного общения и единения людей, формируя таким образом «соборное» общество, которое, по нашему мнению, концентрирует внутреннюю духовно-нравственную связь между людьми в процессе подлинно человеческого общения, позволяя обозначить его главные, доминирующие свойства, ведущие к христианской жизни, объединенной христианской любовью. Христианская любовь – это отражение в нас любви Божией, это ответ наш на любовь отца небесного. Его любовь излилась в сердца наши, согрела нас, оживила и живет в нас: «Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир едиnorodного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за наши грехи» [1 Ин., IV, 9, 10].

Чувство христианской любви является одним из ведущих мотивов в богослужебном пении. Любовь ко Христу выражается в текстах основных песнопений Господских праздников, в благодатных молитвах («Благословен еси, Христе Боже наш», песнь Господу Иисусу Христу «Едиnorodный сыне и Слове Божий»). Мотив святой любви слышен в многочисленной группе гимнов Богородице, с культом которой на Руси связана тема заступничества и защиты. В эпоху Средневековья Богородица выступает как покровительница русского народа. Не случайно иконы Богоматери брали с собой в поход, им создавали службы, писали разнообразные иконографии, число которых достигло сегодня порядка двух сотен. Ярким

примером такого образца является одно из традиционных песнопений Всенощного бдения «Богородице Дево, радуйся», связанное с одним из важнейших евангельских событий – Благовещением, согласно которому ангел Гавриил сообщает Деве Марии о будущем материнстве: «ангел, вошедши к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с тобою...», и праведная Елисавета приветствует Богородицу словами: «Благословенна Ты между женами... и благословен плод чрева Твоего!» [Лк. 28:42].

Рядом с христианской любовью стоит и христианская вера. Без веры нет христианской любви. Веру христианскую следует воспринимать не как личную уверенность или самоуверенность, но как уверенность в силе Божией. Любовь и вера тесно взаимосвязаны: «Христианская любовь есть любовь верующая; христианская вера есть вера, действующая любовью» [Гал. V, 6]. Весь комплекс богослужебных песнопений является движением веры. Образом общего исповедания и утверждения православной веры служит, к примеру, литургическое песнопение «Символ веры», подтверждающее устами прихожан клятву верности Святой Троице.

В вере, любви, смирении Христа-Бога народ нашел смысл святости и потребность взять на себя духовную миссию понять, испытать и почувствовать Божьи страдания от Креста Христова. Подвиги святых подвижников, нищих и юродивых, терпящих ради Христа холод и зной, подвиги русских князей, борющихся против супостатов, являлись высшим выражением их духовной красоты, благодаря которой «народ вынес и выносит на плечах своих крест и своего исторического существования, и татарщины, и московской государственности, и петербургского периода. Дав себе наименование «Святая Русь», народ в «святости» видел идеал жизни» [8].

Весьма емкую и предельно точную характеристику понятия «Святая Русь», на наш взгляд, дает В.И. Мартынов: «Святая Русь – это не красивый образ или поэтическая метафора. Святая Русь – это наименование иконосферы, образуемой деятельностью многих поколений русских подвижников и людей, втянутых в силовое поле их подвига. Святая Русь – это конкретная, реально существующая

щая форма синергичной культуры. Святая Русь – это русская версия преображения земного мира в икону мира небесного» [9].

И действительно, идеал святости стал для русского человека высшим моральным идеалом, воплощением в земной жизни непреходящих духовных ценностей. Святость – изначально гуманистическая идея, движущая идейная сила всего поступательного развития русской культуры, благодаря стремлению святых переделать мир «изнутри», формируя мирян на основе православно-христианских идеалов личности. Воплощение святости в русском богослужебном пении отражалось сквозь призму образов русских святых, через мотив святой Руси и ее культурно-национальных достоинств.

Как известно, создателями церковных песнопений были люди, просиявшие мудростью церковного устройства, благочестием и святостью жизни. В их числе – имена св. Игнатия Богоносца, установившего в Антиохийской церкви пение антифонное (попеременное); св. Климента Александрийского, составителя гимнов, определившего нравственный характер церковного пения; св. Иустина мученика, составившего книгу «Певец»; св. Афанасия Александрийского, проповедовавшего чинное и стройное пение; св. Ефрема Сирина – составителя многих песнопений и напевов, учителя греческой церковной нотации; преп. Авксентия, усердно обучавшего народ общему пению; св. Иоанна Златоуста, учредителя и благоустроителя церковных хоров; св. Романа Сладкопевца – творца кондаков и икосов; епископа Маюмского и Феодора Студита – творцов канонов; св. Иоанна Дамаскина, создателя многих церковных песнопений, установившего в Восточной Церкви церковное осмогласие, и многих других. Южные славяне, жившие на Руси в XV веке, Пахомий Логофет, серб по происхождению, а также болгары – Киприан и Григорий Цамблак прибавили около двух десятков новых служб русским святым.

Из земных святых наиболее почитаемы в народе царь-псалмопевец Давид и русские князья страстотерпы Борис и Глеб. Так, песнопения в честь Бориса и Глеба, павших от рук брата Святополка Окаянного в 1015 году, вос-

певают их высокий нравственно-этический подвиг. Отказавшись от междоусобной борьбы, они погибли, но были прославлены народом как русские мученики. И народ, «русский православный люд усвоил себе эти идеалы, сочетав их с собою и соделав воистину своими, кровными, неотъемлемыми, являющимися частью собственного бытия, не подлежащими пересмотру или изменению, сорастворился с ними в единое целое и через то пришел к познанию реального единения со Христом» [10].

Не случайно корпус песнопений Бориса и Глеба в списках XII века содержит 24 стихиры, три кондака, икос, седален, светилен, два канона [11]. Согласно данным литературных произведений о Борисе и Глебе, установлен тот факт, что в XI-XII вв. были учреждены два праздника в их честь: на 24 июля – в 1072 г. и на 2 мая – в 1115 г. Эти два события, ознаменовавшиеся построением соборов в память первых русских святых, безусловно, не могли не сопровождаться созданием широкого круга произведений искусства о Борисе и Глебе, в том числе и гимнографических [там же]. Следует отметить, что в древнейших песнопениях говорится не о безропотной смерти Бориса и Глеба, а о высшем духовном и воинском мужестве, благодаря которому святые явили истинную победу. Подвиг Бориса и Глеба выразил главную евангельскую заповедь – заповедь любви, братолюбия, благодаря которым они приобрели к божественной благодати.

По сообщению «Сказания» и «Чтения» о Борисе и Глебе, обряду перенесения мощей 24 июля 1072 г. предшествовало несколько ритуальных попыток общественного почитания их. Митрополит Иоанн «сбрав клироси все поповство, и повеле пойти съ кресты Вышегороду, и придоша до места идеже лежаста святая. Бяше же с ними и князь Ярослав. И поставили же бяху ту клетку малу на том месте иде же бяше церкви сгорела. Архиепископ же пришед съ кресты, и сътвори въ той клетце всенощное пение» [там же]. Таким образом, имеются свидетельства о наличии песнопений в честь Бориса и Глеба уже при Ярославе Мудром.

Высшие Христовы ценности, величайшую отрешенность от всего земного, любовь

к земле-страдалице в народном сознании соединил преподобный Сергей Радонежский, образ которого запечатлен в литературе и гимнографии допетровской Руси (Епифаний Премудрый, Пахомий Логофет, Симон Азарьин, Симеон Шаховский). Писатели нового времени – Е. Голубинский, В. Ключевский, П. Флоренский, Г. Флоренский, Г. Федотов, Ф. Спасский, Б. Зайцев (Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. – М., 1904; Ключевский В.О. Очерки и речи. Сб. статей. – Пг., 1918; Флоренский П.А. Троице-Сергиева лавра и Россия // Троице-Сергиева лавра. Сергиев Посад, 1919; Федотов Г.П. Святые Древней Руси. – М., 1990; Спасский Ф.Г. Русское литургическое творчество. – Париж, 1951; Зайцев Б. Преподобный Сергей Радонежский. – Париж, 1925).

Песнопения, посвященные памяти Сергия Радонежского, представляют собой интереснейший материал для исследования русской певческой культуры. В списках XV-XVII вв. до наших дней дошли три певческие службы полного состава, содержащие около ста нотированных песнопений, три больших канона и один малый – трипеснец (на 25 сентября, 5 июля и 14 августа). Как показывают источники, все они были созданы на протяжении XV-XVII вв. [12], что свидетельствует о вневременной актуальности образа святого.

Так, постепенно проникая в душу и быт русского народа, христианство с его учением о любви и милосердии осуществляло в народе глубокую нравственную переменную. Подтверждение данному факту находим в третьем антифоне из литургии Иоанна Златоуста «Блаженны», в основе которого лежит текст Нагорной проповеди Христа, содержащей постулаты нравственно-дидактического характера. Песнопение начинается словами благоразумного разбойника, распятого вместе с Иисусом Христом и поверившего в него как в сына Бога: «Во царствии твоём помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоём». Далее следует изложение девяти главных евангельских заповедей, провозглашающих смирение духа – «блаженны нищие духом, яко тех есть Царство небесное», кротость

– «блаженны кротции, яко тии наследят землю», правдивость – «блаженны алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся», милосердие – «блаженны милостивии, яко тии помиловани будут», искренность, непорочность – «блаженны чистии сердцем, яко тии Бога узрят», миролюбие – «блаженны миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся», самопожертвование – «блаженны изгнани ради правды, яко тех есть Царство небесное», мученичество во Христе – «блаженны есте, егда поносят вам, и изженут, и рекут всяк зол глагол на вы, лжуще Мене ради», раскаяние – «блаженны плачущие, яко те утешатся».

Духовно-нравственная суть русского православия нашла отражение в «Слове о законе и благодати», созданном митрополитом Илларионом Киевским (XI в.), где «благодать» осознается как духовно-нравственная категория победы добра в душе человека и вытеснения зла. Не случайно понятия «благодать» и «благочестие» в русском христианстве осмысливаются как фундаментальные духовно-нравственные законы жизни человека в решении мировоззренческих и морально-этических проблем его бытия, что вполне согласуется с понятием слова «благодать» – в значении «дары Духа Святого; наитие свыше к исполнению воли Божьей; любовь, милость, благодеяние; преимущество, польза, выгода; обилие, избыток, довольство» («У него много всякой благодати», «У него всего благодать», «Ум – благодать Божия, язык – проклятие»); «благость» – в значении «высшая степень любви и милосердия; соединение всех добродетелей»; «благочестие» – «истинное богопочитание; благоговейно признание божественных истин и исполнение их на деле» [13]. И именно русское богослужбное пение, посредством стремления к истине, добру, красоте, высшему благу, представляет собой этот совершенный образец благодати с его поистине неисчерпаемым ценностно-полифункциональным универсумом в формировании «человеческого в человеке».

Таким образом, тексты песнопений становятся моральным кодексом, всеобъемлюще отражая этноконфессиональные, этни-

ческие, эстетические представления народа, его историю, менталитет, систему ценностей сквозь призму идей «собираания добра» (В. Соловьев) и стремления разглядеть

в мире природы и истории жизнеутверждающие начала, помогающие восхождению людей к общечеловеческим нравственным идеалам.

Список использованной литературы:

1. Ильин, И.А. Основы христианской культуры / И.А. Ильин // Собрание сочинений в 10 тт. – Т. 1. – М., 1993. – С. 251.
2. Бердяев, Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начало XX века. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М., 1997. – С. 310.
3. Мартынов, В.И. История богослужебного пения: Учебное пособие / В.И. Мартынов. – М.: РИО Федеральных архивов; Русские огни, 1994. – С. 131.
4. Мартынов, В.И. История богослужебного пения: Учебное пособие / В.И. Мартынов. – М.: РИО Федеральных архивов; Русские огни, 1994. – С. 5-8.
5. Ильин, И.А. Основы христианской культуры / И.А. Ильин // Собрание сочинений в 10 тт. – Т. 1. – М., 1993. – С. 323.
6. Хомяков, А.С. Православие. Самодержавие. Народность / А.С. Хомяков. – Монреаль, 1882. – С. 108.
7. Николаева, Е.В. История музыкального образования: Древняя Русь: конец X – середина XVII столетия: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.В. Николаева. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – С. 38–40.
8. Булгаков, С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов / С.Н. Булгаков. – М., 1911. – 159-190.
9. Мартынов, В.И. Культура, иконосфера и богослужебное пение Московской Руси / В.И. Мартынов. – М.: Прогресс-Традиция, Русский путь, 2000. – С. 181-182.
10. Бекорюков, Алексей. Из столицы в провинцию: путь русской святости // Провинция и столица: центробежные и центростремительные процессы духовной эволюции культуры: материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. проф. С.М. Климова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – С. 198.
11. Серегина, Н.С. К вопросу о первой канонизации Бориса и Глеба / Н.С. Серегина // Древнерусская певческая культура и книжность. Проблемы музыковедения: Сборник научных трудов. Вып. 4. – Л., 1990. – С. 12.
12. Серегина, Н.С. Песнопения Сергию Радонежскому в Древнерусской традиции / Н.С. Серегина // Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. – Белгород, 1999. – 336 с. – С. 224-225.
13. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1999. – С. 91-95.

Статья рекомендована к публикации 16.03.07